

Соборное целое

«Купола над Друтью» – Санкт-Петербург, 2016, – историческое исследование в двух томах, подробный рассказ о Свято-Покровском монастыре в Толочине в контексте культурно-исторических событий в течение тысячелетия на территории нынешней Витебской области: в первом томе – от варягов до нашествия Наполеона, во втором – от Александра Первого до наших дней, – неоспоримое свидетельство неуязвимой силы Православия и верности белорусского народа отеческим заветам.

Книга, посвящённая истории Свято-Покровского монастыря, по своему построению напоминает здание храма, где каждая его часть имеет своё предназначение и не мыслима без других, представляет собой единое соборное целое. В фундаменте этого храма «Слово о полку Игореве», поэма Михаила Лермонтова «Боярин Орша», история семьи канцлера Великого княжества Литовского Льва Ивановича Сапеги, основавшего и больницу, и православный храм. Заслуги его признаются в современной Республике Беларусь: в его честь в 2010 году выпустили монету достоинством в 1 рубль. Мы следуем в книге неисповедимыми путями от первой в нынешней Белоруссии церкви святой Богородицы «во граде Друцке», возникшей в 1001 году, дорогами полоцкого князя Всеслава Чародея, Владимира Мономаха в бытность его князем черниговским, возносим молитвы у иконы Божьей Матери Бельничской, погружаемся в период первого раздела Польши, в период преследования Православия и навязывания «латинства», в страшные годы расстрела трёх тысяч священников по постановлению троек НКВД, вчитываемся в услышанные на небесах молитвы о восстановлении храмов в наше время.

Николай Михайлович Коняев (1949-2018) – автор десятков великолепных книг: художественных, исторических, биографических, православных. Но я хочу поделиться своими впечатлениями от книги «Купола над Друтью», которая столь же волнующа для меня, сколь высока её значимость в истории Православия и истории Белоруссии, России и Европы.

Маленькое отступление

Слово Друть я слышала с самого раннего детства, родившись в деревне Хомичи Быховского района Могилевской области. Берег реки Друть в течение лета был местом игр и купания в стремительных водах глубокого притока Днепра, как взрослых жителей деревни, так и детей. Путь из деревни к реке пролегал через огромный цветущий луг, который обычно в конце июня полностью скашивали, а трава и цветы вновь подрастали. Друть быстро бежала по этому лугу, а через некоторое время пробивала себе путь, приближаясь к высокому берегу в трех-четырёх километрах от деревни, и почему-то это место называлось Городок, здесь больше всего деревенские рыбаки ловили щук. Заядлым рыбаком был и мой отец, который ходил на рыбалку рано утром, так что, когда мы, трое детей, просыпались, на столе уже стояла большая сковорода с жареными карасями, речными окунями или щукой.

Мы, дети, часто ходили играть в Городок, где не было никаких построек, а было очень уютно: мягкая трава с белыми ромашками и синими колокольчиками, всегда свежий ярко-зелёный щавель,

рядом берёзовая лесополоса с первой земляникой, а чуть позже – первыми грибами лисичками. Сидя на высоком берегу Друти, смотрели мы, дети, на бесконечный луг с редкими кустами ивы или ольшаника и наслаждались дивной красотой пейзажа. Весной река Друть разливалась, полностью затопливая эти огромные луга, и в ясные солнечные дни вода обретала оттенок яркой синевы и казалась морем, будила самые смелые фантазии и мечты. Вот почему с таким волнением в душе я слышу слово Друть.

Моя мама знала бесчисленное множество сказок и народных притч, мифов, легенд, многие из которых я слышала, когда мы шли с ней по тому живописному лугу, о котором я сказала выше, за щавелем, разнообразившим деревенскую еду. Среди её рассказов один особенно запомнился мне: об озере с топкими берегами среди этого луга, которое называли Бязоднае, то есть без дна, потому что никто никогда не доставал его, а на закате на берегу Бязодного можно было услышать звон церковных колоколов, идущих от того города, который будто бы находился под толщей воды. И мне часто казалось, что стоит только прислушаться, как я услышу звон колоколов над Бязодным, над цветущим необъятным лугом, над бурливой с омутами Друтью. Позже я прочла легенду о граде Китеже, но навсегда в моём сознании эта легенда осталась и живёт в связи с озером Бязодным около моей родной деревни. О детстве на берегу Друти написана, но не издана книга «Колокола над Друтью», и потому ещё и по этой причине я так разволновалась, прочитав название «Купола над Друтью». К этой книге и возвращаюсь.

Друцк в контексте мировых событий

Николай Коняев предметом своих исследований сделал город Друцк, расположенный в современной Витебской области, соседней с моей родной Могилевской. Друть берёт свой исток в Толочинском районе, протекает через Могилёвскую область, а устье её – в Рогачёве Гомельской области.

Поместив Толочинский Свято-Покровский монастырь в контекст истории земли Белорусской, в контекст сменяющих друга событий мирового масштаба, писатель находит возможность дать нравственную оценку участникам событий. Вот Владимир Мономах, который рассуждает о бедствиях междоусобной войны между русскими князьями: «не осуждайте, дети, меня, ведь не хвалю я себя, своей смелости, но хвалю Бога и прославляю милость Его. ... Столько лет хранил от смертных опасностей и не ленивым меня, дурного, создал на всякие дела человеческие годным».

На фоне льющей крови, смертей, выжигания земли, целых городов, звучат слова о человечности и отстраивании городов заново, чтобы стать им центрами торговли и всяких ремёсел, или оказаться на периферии истории.

Сквозь затянутые дымом пожарищ дали истории проступают имена. Так, например, «Хроника Быховца», названная по имени помещика Александра Быховца, в имени которого была найдена историческая рукопись, изданная в 19-м веке Теодором Нарбутом, а затем включённая в 17-й том «Полного собрания русских летописей», изданного в 1907 году. Хроника украшена изображением караса и круга, разделённого на четыре части – таинственными символами мистической географии и судеб, как отдельных народов, так и конкретного человека, вселенское требования от него двигаться дальше, перемещаться не только в пространстве, но и в личном развитии.

Толочин

В 15-м веке растворяется в водах истории имя Друцка и выплывает имя Толочин, сквозь который пролегли торговые пути Москва – Смоленск – Могилев – Минск – Варшава.

Меха, лён, кожи, пеньку, воск везли купцы в Западную Европу, ввозя ткани, гвозди, бумагу, пряности...

И выплывает в эти времена имя великого канцлера ВКЛ Льва Ивановича Сапеги, имя которого мне также знакомо со времени моей юности, когда семья наша стала жить в Быхове, где уже другой берег манил нас – берег Днепра: летом для купания, а зимой – лыжами и санками, чтобы скатываться с высокого берега на начинающийся от него луг Днепра, в который впадает бегущая по краю Быхова речка Сапежинка, возможно, давшая имя князьям Сапега, построившим в Быхове замок, остатки

которого так будили наше детское воображение, особенно, кто был не безразличен к истории. Сын Оршанского князя, Лев Сапега, начинавший карьеру с простого писаря, становится великим канцлером, чтобы строить, и возводить, и развивать свой край. Мощный ум его привёл его к власти, чтобы понять, что ему дано творить историю, думать о расширении политических и культурных пределов, мечтая о единении славянских народов в результате объединения Польши, княжества Литовского и Московского царства.

После смерти Стефана Батории Сапега предложил на трон Речи Посполитой московского царя Фёдора Иоанновича. Трудно переоценить составленный им Статус ВКЛ (Великое княжество литовское), главное дело великого канцлера, стража законопослушности, ограничений для монархов, кому «разум не является врагом», стража справедливости и противостояния ополчанию и окатоличиванию княжества Литовского. Этот благородный Литовский статус действовал до 1840 года, когда сменило его российское имперское законодательство.

Личность Сапеги могла быть отнесена к тем, кто успевает иногда остановить ход неотразимых событий, к тем, кто понимает, какое значение может иметь одна личность, и в то же время к тем, кто понимает, что эти события могут показывать, как ничтожны силы одного человека, если на дороге становится то, чему суждено быть.

Икона Божьей Матери Бельничской

Уникальны страницы книги, где Николай Коняев описывает историю одной из самых любимых в Белоруссии икон – Божьей Матери Бельничской. По преданию после разгрома Киева Батыем несколько монахов унесли с собой древнюю икону византийского письма. Дойдя до берега Друти, они остановились на ночлег. Ночью они увидели чудо – от иконы исходил свет, и тогда они поняли, что здесь нужно остаться и построить храм. Местечко получило имя Бельниччи, что означает: белые ночи, освящённые светом Богородицы. Образ Одигитрии (Путеводительницы) несказанной красоты. Спис этой иконы оказался в Свято-Покровском монастыре. И вот чудесные слова тропаря: «Радуйся, могилёвская земле, слава бо Господня на тебе возсия; възграйте, холмы бельничские, весельем прослався, бо тамо икона Богоматери, ликуйте, людие, и веселитесь, богатство бо не скудное даровалось нам, исцелений сокровище, гласы, якоже трубы, възшумите, прославляюще чудеса Владычицы преславной, радуйся, Богородице дево, от Бельническия иконы божественный свет и чудеса нам источающей».

Из глубины столетий идёт к нам это молитвенное песнопение, всегда помогавшее выстоять перед невзгодами и драматическими событиями, которые обрушивались на людей, тайно сохраняющих в себе хоть каплю небесного в земных переделах

Болит ли голова от поклона

«Будь тверд!» – призывал в стихах белорусский поэт Якуб Колас, отражая в поэтических строчках историю войн на территории современной Белоруссии, а также народный менталитет, формировавшийся в условиях принадлежности к разным княжествам, царствам: «Не уважай тех, кто говорит, что голова не болит от поклона».

Сын Льва Сапеги Казимир умер в Бресте от чумы в 1656 году, но в отличие от отца не был приверженцем православия и не наполнил жизнь свою историческими делами, склоняя голову в поклоне перед властью предрержащими: на мраморной плите надпись: «... Князь быховский, сапежинский, вице-канцлер ВКЛ, префект оршанский, волпянский, березский» – это всё лишь свидетельства богатства и близость к королевской особе, но никакими свершениями они не наполнены.

Тягостным, трагическим, глубоко познавательным и поучительным уроком истории является Жебровский иезуитский проект «Об уничтожении греко-российского вероисповедания», представленный в 1768 году государственным чинам. Этот проект был найден Николаем Коняевым в Российском государственном архиве древних актов в фонде «Общества любителей духовного просвещения».

«...Поставить себе в обязанность, чтобы греческое вероисповедание, латинскому противное, всячески выводить то презрением, то преследованием, то притеснениями тех, которые держатся оног...»

«И дела без помех пойдут своим порядком, чем с большею для нас пользой, тем значительнейшим для России вредом». «Чуждаться русского, не заводить с ним дружбы, зажиточных русских довести до нищеты и невежества, чтоб им выставляемы были на вид их суеверия».

Не правда ли, антироссийский проект Збигнева Бжезинского имел предшественника иезуита С. Жебровского, он важен для осмысления тех процессов, которые происходили на территории Речи Посполитой в 18-м веке, а тем более для понимания того, что происходит в польско-украинско-российских отношениях сейчас. А вот наследник Жебровского – Бжезинский: «Тот, кто правит Восточной Европой, владеет Сердцем земли. Тот, кто правит Сердцем земли, владеет Мировым Островом (Евразией). Тот, кто правит Мировым Островом, владеет миром».

«Чистая безделица без благонавия»

Возвратимся к мудрой книге Николая Коняева, к тем страницам, которые посвящены пребыванию в Толочине Дениса Ивановича Фонвизина в 1777 году, когда он ехал в Париж по дипломатическим делам, умнейшего человека, считавшего ум «чистой безделицей» без «благонавия» – ценнейшего качества человека, благодаря которому проявляется сущность по-настоящему мужественных людей. Да, иметь совесть и благонавие – это удел мужественных людей. Эти черты трудно найти среди царственных особ.

Вскоре за Фонвизиним проследовала через Толочин императрица Екатерина Вторая, в Могилёве встретившись с Иосифом Вторым, когда между ними произошла беседа о том, что если бы Россия вернула себе Константинополь, а Франц Иосиф обрёл Рим. И хотя они сошлись на том, что пусть всё останется так, как есть, но уже в 1791 году перед вторым разделом Польши Екатерина ввела понятие осёдлости, произведены были действия, в результате которых территории, исторически населённые русским православным народом, отошли к Австрии или остались в Польше, и православные испытывали там колоссальные гонения, так как Екатерина Вторая согласилась на ограничения их прав.

«Здесьняя история, – писал Коняев, – составленная из случайных встреч, остановок, наполненных толчней не связанных между собой событий, не только не рассыпается на разрозненные факты, но и сама выстраивается в единое целое, где невозможно изъять ни одно событие без ущерба для общей конструкции».

Наполеон в Свято-Покровском монастыре

Известно, что Наполеон останавливался в Толочине, где были сожжены знамёна великой армии, и архив, и переписка его сильными мира сего, а бронзовые, позолоченные орлы утоплены в Друти.

Писатель Коняев подробно останавливается на народных мифах и легендах о пребывании французов на территории современной Белоруссии, о сожжённых деревнях и городах, как бежало население в леса, зарыв в землю свои вещи, так как грабили их отступающие французы нещадно. «Паели поганые собак ды катов, усих ворон ды усялякую погань ... Збираюць червяков, жуков, слизняков, каб хоть гэтую пошкуддзю набить сабе лаптух».

Сегодня в помещении, где останавливался Наполеон, находится монастырская канцелярия и архив, собранный игуменьей монастыря матушкой Анфисой.

Сохранились документы, в которых идёт подсчёт всего вывезенного из сожжённого Толочина и Толочинского монастыря, где перечисляются огромные суммы оценки награбленного Наполеоном: зерна, вин, водки, мёда, скота, труб холста, сукна, шуб, посуды, инструмента.

Немало времени понадобилось для восстановления монастыря после опустошительного отхода наполеоновских войск.

Далее писатель останавливается на личности Александра Первого, соглашаясь с А.С.Пушкиным: «властитель слабый и лукавый...». «Величайшие возможности, которые предоставила Александру Первому история, – писал с сожалением Николай Коняев, – он так и не сумел использовать на благо российской империи», не желая менять окружение, отказываясь искать сильных людей, способных проводить реформы, которые дано было воплотить Николаю Первому.

Именно Николай Первый начертал резолюцию о возвращении Православия в Западных областях российской империи, о выходе из униатской церкви, где «отзывались о России с презрением, не зная россиян; не зная их истории, обычаев, языка, литературных произведений, а слово «москаль» было обыкновенным изъявлением презрения». «Нам дано новое бытие, – произнёс тогда викарий Брестской епархии Ф.Тупальский, – соблюдение обрядов нашей веры». В 1839 году Свято-Покровская церковь вновь стала Православной.

Не обходит вниманием писатель и польский вопрос, который А.С. Пушкин в образной форме выразил в 1831 году в стихотворении «Клеветникам России»:

О чём шумите вы, народные витии,

Зачем анафемой грозите вы России?

«Что была Польша, когда Наполеон и французы пришли туда? Песчаная и грязная пустыня», – говорил Николай Первый. И автор книги заметил: «И поэт, и монарх ищут ответ, почему Европа кипит ненавистью к России, отчего она готова по отношению к России на любую несправедливость и неблагодарность?» Ни поэт, ни монарх не могут найти ответа, так как он не заложен в «общеевропейских ценностях».

Белорусское барокко

Подробно останавливается Николай Коняев на описании красоты архитектурного решения Свято-Покровского монастыря – яркого образца позднего белорусского барокко. Главная черта этого стиля – две рвущиеся в небо башни, плавные линии, часто изогнутые и смягчающие контуры фасада, строгая зеркальная симметрия, пилоны, оформленные ордерными пилястрами. Фасад имеет волнистую форму за счёт вогнутостей простенков. Внутреннее оформление храма – это особая утончённость, сложно профилированный ордер, двойные арки, пилястры хоров – свёрнутые свитки, – в общем, монастырь – один из шедевров белорусского барокко. Радует сердца белоснежный храм с золотыми куполами в небесной сини! Восстановление его стало возможным благодаря Вячеславу Адамовичу Заренкову и его помощникам, преобразившим монастырь трудом и талантом народа, перенёсшего столько страданий, наполнив, как написал Николай Михайлович, «небесным звучанием музыку белорусского барокко, воплотившую в себе красоту Православия».

Восстановлен не только Свято-Покровский храм, но и построена вновь в 2001 году церковь Рождества Богородицы. Между храмом и древним городищем планируется посадить Райский сад с деревьями, что в Библии описаны.

Выковав себе подкову в музейном комплексе старинных народных ремёсел, писатель стал размышлять о территории нынешней Белоруссии, которая на протяжении последнего тысячелетия то и дело становилась центральной ареной политических событий и краем Православного света. «Белорусское население неуклонно вытеснялось католиками и евреями, – писал Николай Коняев, – из более цивилизованных и приспособленных к жизни городов в вёски, которые бесконечные болота засасывали в себя».

Сейчас ситуация изменилась. Великолепные дороги и мосты через реки пролегли по республике. Писатель заканчивает своё повествование рассказом о дороге полковника в отставке Анатолия Владимировича Редько, её называют Толиковой дорогой, потому что он её сам на свои средства построил, длиною в три километра, и также мост через реку Бобр, потому что очень это место любит, он здесь родился.

С чувством благодарности писателю заканчиваю я чтение книги Николая Коняева, с ощущением прорастания духовного зерна в живой и свободной моей родной земле, где возрождаются белые храмы с золотыми куполами в небесной сини, где бытийный мир не отделяется от православного устройства, где злые мирские пагубы одолеваются отеческими заветами.